

УДК 94 (470.6)

Невская Татьяна Александровна

ЭВОЛЮЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ ГОРСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Показан процесс эволюции самосознания народов Северного Кавказа с XV в. до наших дней. Дана связь развития этнической идентичности с советским национально-государственным строительством. Показано значение религиозной принадлежности в идентичности горцев. Рассмотрены современные попытки сформировать новую идентичность населения, основанную на мусульманском мировоззрении.

Ключевые слова: идентичность, самосознание, Кавказ, горские народы, славяне, этническое самосознание, панисламизм, мусульмане.

Nevskaya Tatiana A.

THE EVOLUTION OF SELF-CONSCIOUSNESS OF THE MOUNTAIN AND THE SLAVIC PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

This article describes the evolution of self-consciousness of the peoples of the North Caucasus from the XV century to present time. Given the relationship between the development of ethnic identity with the Soviet nation-building. Shows the importance of religion in the identity of the Highlanders. Authors overview modern attempts to form a new identity of the population, based on the Islamic world outlook.

Key words: identity, self-consciousness, Caucasus, mountain people, the Slavs, ethnic self-consciousness, Pan-Islamism, Muslims.

Формирование самосознания горских народов Северного Кавказа прошло долгий исторический путь. Племена сливались в крупные этнические сообщества, меняя свои названия, религии сменяли одна другую в зависимости от геополитической ситуации в регионе. Моделировать самосознание народов региона в прошлом достаточно трудно из-за отсутствия у них письменности. Можно делать предположения, опираясь на сведения, содержащиеся в трудах западноевропейских путешественников. Авторы XV в. И. Шильтбергер, П. Карпини, И. Барбаро и др. называют население черноморского побережья черкесами, причем Барбаро впервые упоминает о соседях алан – кабардинцах (кевертейцах), выделяя их из других черкесских племен [1, с. 16, 18, 21]. Д. Интериано, посетивший Западный Кавказ во второй половине XV в., отождествляет зихов с черкесами, замечая, что сами себя они называют адыгами [4, с. 46]. Упоминают эти путешественники и тюркские народы – карачаевцев, ногайцев, кумыков.

С XVI в. на Кавказе появляются казаки, одни группы жили в низовьях Терека, другие – в бассейне Сунжи, а с XVII в. – на левобережье Терека. Одни казаки называли себя гребенскими, то есть живущими в Гребнях (горах), другие – терскими низовыми. Термин «терские» в XVII в. обозначал место проживания, но не этнокультурную общность [11, с. 219, 242]. В XVII в. гребенцы переселились на левый берег Терека, но сохранили свое название, это позволяет говорить о том, что оно стало этнонимом. По мнению Н. Н. Великой, в этнониме гребенцов отразилось место исхода, проживания, но и на плоскости они остались «горцами», и в дальнейшем этническое самосознание вместе с особенностями материальной и духовной культуры передавалось каждому новому поколению [11, с. 220]. Формирование этнического самосознания казачества произошло достаточно быстро вследствие того, что казаки проживали в иноэтническом окружении, но отличались от горцев не только языком, но и верой, что не давало им возможность ассимилироваться.

В XVIII в. на левый берег Терека стали переезжать донские и волжские казаки. Так, Петр I переселил 1000 семей донских казаков на р. Аграхань, затем эти казаки были поселены тремя городками как продолжение станиц гребенского войска вниз по Тереку. В первой половине XVIII в. на Тереке появляются украинские и русские переселенцы, отставные солдаты кавказской армии. В 1765 г. на территорию между Моздоком и станицей Червленной были переселены 517 семей из Волгского казачьего войска, которые образовали Горско-Моздокский казачий полк. В 1770-х гг. в состав полка вошли 200 кибиток крещеных калмыков [12, с. 18].

В казачество стали входить также представители горских народов. В 1763 г. из крещеных кабардинцев была образована горско-моздокская казачья группа, куда вошли также кумыки, осетины и другие кавказцы. К казачьему сословию были причислены осетинские переселенцы, которые об-

разовали станицы Луковскую, Ново-Осетинскую, Черноярскую. С этого времени начинается формирование новой этнической общности – терского казачества. Консолидация различных групп казачества была обусловлена не только общностью русского языка, но и старообрядческой религии. Надо отметить, что в язык казаков вошло много заимствований из кавказских и тюркских языков.

Как отмечает исследователь терского казачества Н. Н. Великая, в документах XVIII–XIX вв. сами казаки даже не упоминали русских в качестве своих предков, считая таковыми кубанских мурз, черкесов, оконченских татар, поляков, донских казаков, грузин. Гребенцы называли своими предками казаков, осетин, черкесов, ногайцев, хотя источники указывают на многочисленных выходцев из разных регионов России, пополнявших казачество Терека [11, с. 228]. Возможно, что казаки отделяли себя от податного населения России и подчеркивали свое происхождение от вольных людей. То, что казаки противопоставляли себя русским, даже презирали их, отмечал в повести «Казаки» и Л. Н. Толстой.

В конце XVIII – начале XIX вв., когда начался процесс вхождения народов региона в Российскую империю, большинство этносов кавказской языковой семьи осознавало себя как членов определенного племени: шапсугов, натахайцев, бжедуг и др. – на Западном Кавказе, ичкерийцев, ауховцев, салатовцев, мичиковцев и т.п. на Восточном Кавказе.

Исследователи первой половины XIX в. в своих описаниях Кавказа также называют народы региона по их племенной принадлежности. С. Броневский называет такие «колена» черкесов как натахайцы, шапсуги, жанины, абадзехи, бжедуги, темиргоевцы, мухошевцы, бесленеевцы и др. И. Бларамберг называет 15 черкесских племен (5, с. 121–122). Описывает он также абазов, называя их самым восточным черкесским племенем, упоминая, что сами себя она называют «тапанта». Среди ногайских племен этот автор называет следующие: едисанцы, кара-ногайцы, мансуровцы, наврузовцы. На Восточном Кавказе Бларамберг описывает мычкизов, отмечая, что их обычно называют чеченцами, однако, по его сведениям, «это название лишь некоторых племен мычкизов, следовательно, не должно широко использоваться». Автор называет 14 племен мычкизов, трое из которых (галгаевцы, галашевцы и назрановцы) образуют племя ингушей [5, с. 328]. Аналогичное племенное деление фиксируют и другие авторы.

Адыг по происхождению Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» 1836 г. также описывает деление черкесов на упомянутые выше племена [6, с. 149]. Таким образом, четкого представления о своей этнической принадлежности в современном понимании у многих народов региона в середине XIX в. не существовало. Это подтверждают и адаты (обычное право) горских народов, которые отличались между собой у отдельных племен одной этнической группы. Так, в сборнике адатов жителей Нагорного округа 1864 г. констатируется, что «адаты салатавские резко отличаются от ауховских и ичкерийских» [7, с. 245].

Преобладания конфессиональной идентичности над этнической исследователями до середины XIX в. не зафиксировано. Становление исламской идентичности началось на Северном Кавказе с появлением имамата Шамиля и насаждением им среди горцев шариата взамен адатов. Однако с ликвидацией имамата национальное самосознание вновь стало преобладать.

В результате административной реформы 1860 г. на Северном Кавказе были образованы Терская и Кубанская области. Образование Терской области, по мнению исследователей, ускорило выработку единого самосознания казачества, населявшего восточное Предкавказье [11, с. 224].

Во второй половине XIX в. у горских народов активно шел процесс формирования более высокого, чем племенной, уровня этнического самосознания. Этому процессу способствовало русское делопроизводство, в официальных документах этого времени чаще употреблялись обобщенные термины «чеченцы», «черкесы», «ингуши» и т.п., чем родоплеменные названия. Становлению национальной идентичности способствовало также административное деление региона, военное управление, так округа Терской области носили название Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Чеченский. Царское правительство в соответствии с судебной реформой 70-х гг. XIX в. признавало законными и суды по шариату, и суды по адатам, которые существовали в горских аулах. Однако, учитывая то, что идеи шариата были лозунгами антирусской борьбы, администрация больше поддерживала судопроизводство по адатам, шариатские суды могли рассматривать лишь ограниченный круг дел. Такая политика также способствовала укреплению национального самосознания, так как адаты у каждого народа были свои.

В начале XX в., особенно в период первой русской революции, на Северном Кавказе стали распространяться идеи панисламизма и пантюркизма. Исламский фактор в самосознании народов региона возрастает в связи с выборами в Государственную Думу. Так, известный осетинский журналист социал-демократ Ахмет Цаликов, рассматривал выборы с позиций мусульманина, считая, что «не следует обострять взаимоотношения между помещиками и крестьянами, так как в Осетии эта борьба превратится еще в религиозную войну, ввиду того, что все помещики здесь исповедуют магометанство, в то время как большинство осетин – христиане» [8, с. 33]. Идеи панисламизма на Северном Кавказе активно пропагандировали меньшевики А. Цаликов и И. Гайдаров, выдвинув идею образования на Северном Кавказе исламского государства под эгидой Турции.

Народы Северного Кавказа стремились выбрать депутатов из мусульманских деятелей, так от Дагестанской области и Закатальского округа в I Государственную Думу были избраны Асламбек Али-Ага-Оглы Кардашов – отставной чиновник, преподаватель в мусульманской школе – и врач Бахбаллах Султанов. Они придерживались прогрессистских взглядов и вошли в Думе в мусульманскую фракцию. В III Думу от этих регионов был избран социал-демократ И. И. Гайдаров (инженер), который в 1910 г. тоже перешел в мусульманскую группу. Всего мусульманскую группу в Думе представляли 8 человек (из 10 мусульман, избранных в III Думу).

Все депутаты от Северного Кавказа, как горцы, так и славяне, считали основным своим полем деятельности обсуждение земельного вопроса и национальных проблем. В своих выступлениях депутаты Т. Э. Эльдарханов, Ф. Онипко, А. П. Маслов, Г. А. Горбунов связывали решение национальных проблем с аграрными преобразованиями. Кавказские депутаты И. П. Покровский и И. И. Гайдаров поднимали и вопросы развития национальной культуры, в частности образования. Надо отметить, что северокавказские депутаты пользовались большим уважением в своих областях, и их деятельность способствовала развитию национального самосознания. Большое место в деятельности депутатов занимали и вопросы положения мусульманского населения и его прав. Таким образом, в связи с образованием мусульманской фракции в Государственной Думе интеллигенция Северного Кавказа начинает позиционировать свои интересы как интересы российской мусульманской уммы.

Идеи мусульманской идентичности пропагандировались и во время революционных событий 1917 года. Вышеупомянутый А. Цаликов, выступая на 1-м Всероссийском мусульманском съезде в Москве, заявил, что единственно приемлемой формой национального самоопределения мусульман страны является культурно-национальная автономия мусульман. Подводя итоги своего выступления, А. Цаликов подчеркнул, что «Культурно-национальная автономия мусульман России должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт». На 2-м Всероссийском мусульманском съезде в Казани Цаликов заявил, что, несмотря на принятие ряда резолюций острого политического и социального характера, представители всех слоев «мусульманского населения, разных окраин и народностей» сохранили единство [13].

Новый этап развития этнической идентичности связан с советским национально-государственным строительством. Поскольку принцип самоопределения наций требовал предоставления этносам той или иной степени автономии, перед властями стала нелегкая задача четко определить титульные народы. Так, западные адыги получили наименование адыгейцы, а за «беглыми кабардинцами», жившими в верховьях Кубани, закрепилось официальное название «черкесы», хотя черкесами себя считали все адыги. Дальнейшее развитие этнического самосознания народов шло уже в рамках автономий, где были организованы научно-исследовательские институты, изучавшие историю, культуру народов, и тем самым способствовавшие конструированию новой этнической идентичности. Запись национальности в паспорте также закрепляла в сознании людей принадлежность к определенной этнической общности.

После распада Советского Союза начался рост национального самосознания, который не просто шел стремительно, но и приобрел протестный характер. Чеченский конфликт показал, что активно идут процессы архаизации сознания, возрождаются традиционные формы культуры, казалось бы, давно ушедшие в прошлое. Любые, даже дикие обычаи (например, расстрел осужденных родственниками убитого) преподносились как часть этнической культуры. Однако параллельно шел процесс глобализации, ускоренного приобщения бывших советских, в том числе и северокавказских народов, к мировой повседневной культуре, типам поведения, материальной культуре, которая проникала вместе с импортными товарами, музыкой и кинофильмами. В этих условиях происходило быстрое размывание этнической культуры, основанной на традиционных ценностях. На смену этим культурным стереотипам стали приходить исламские ценности, заполняя идеологический вакуум.

С началом религиозного возрождения в 90-е гг. XX в. начался процесс формирования мусульманской идентичности у народов Северного Кавказа. Способствовала этому процессу политизация ислама в регионе. Однако национальное самосознание, тем не менее, доминировало над религиозным. Так, в 90-е годы в Дагестане стали возникать муфтияты по национальному признаку: в апреле 1992 г. возникло кумыкское отделение ДУМ в Махачкале, в Изербаше даргинцы организовали Национальный Казият, в 1996 г. были попытки создать ДУМ Южного Дагестана. Однако власти запретили создание Духовных управлений по этническому признаку и прекратили деятельность национальных муфтиятов, приняв в 1997 г. республиканский закон «О свободе вероисповедания и религиозных организаций».

В настоящее время на Северном Кавказе наблюдаются попытки части религиозных деятелей сформировать новую идентичность населения, основанную на мусульманском мировоззрении. Народам региона внушается, что защитить их интересы может лишь всемирная мусульманская умма. Во многих печатных и электронных СМИ проводится мысль, что горцы являются в первую очередь мусульманами, а потом уже представителями своего этноса. Так, на некоторых сайтах, содержащих сведения по истории и культуре народов Кавказа, не упоминаются этнические названия, а используются термины «мусульмане Дагестана», «мусульмане Терской области».

Председатель Исламского комитета России Гейдер Джемаль заявляет, что «народные обычаи и ислам не могут сосуществовать друг с другом» (сайт «Мусульмане Северного Кавказа»). Причем, нередко движения, выступающие под знаменем ислама, на деле реализуют интересы определенных политических или этнических групп. Особенно рьяно ратуют за мусульманскую идентичность в противовес национальной лидеры исламского подполья, виртуального «Имарата Кавказ», которые ведут за нее борьбу не на жизнь, а на смерть (например, убийство ученого А.Ципинова «за пропаганду среди молодежи языческих ценностей и националистических идей»). До 2007 года борьба моджахедов шла под лозунгами этнического сепаратизма, в настоящее время они полностью отказались от этих лозунгов и ратуют за создание наднационального исламского государства Имарат Кавказ. Идеи исламистских деятелей не разделяет большинство населения республик, но пропагандируемая ими идеология, несомненно, оказывает влияние на мировоззрение кавказских народов.

Политолог Андрей Щербак считает, что в последнее время светское националистическое движение в прошлом теперь приобрело отчетливо исламистский характер. Он видит ситуацию в кавказских республиках аналогичной ситуации в Алжире, Египте или Йемене, где военизированные исламские группировки ведут вооруженную борьбу со своими авторитарными, жесткими, коррумпированными правительствами.

Мусульманская идентичность кавказских народов в настоящее время активно формируется в связи с уходом части населения от традиционного ислама. Идентичность современного человека, как известно, связана с сознательной ориентацией на определенный образ жизни, систему ценностей. Ислам на Северном Кавказе исторически опирался на этнические традиции, народную культуру. Новый ислам, салафия, на первое место ставит ценности «не испорченного нововведениями» ислама, в частности – социальную справедливость, что также привлекает молодежь.

В восточной части Северного Кавказа – Дагестане, Ингушетии, Чечне происходит исламизация, принимающая большие масштабы. Политолог Малащенко отмечает, что 6–7 лет назад шариат требовали ваххабиты. Теперь шариат требует половина общества. Исламские джамааты создают социальное пространство, где российские социальные и правовые нормы не действуют. «Исламская альтернатива пошла по второму кругу». В 90-е гг. это была реакция на развал Союза, сейчас – на политику властей.

Многие кавказские политологи обеспокоены процессами глобализации, которые чреваты «утратой национальной идентичности» [9]. Интересным представляется мнение политолога Р. В. Курбанова о феномене двойственной самоидентификации северокавказских народов. «Двойственность самоидентификации народов Кавказа – это фактор, вызревавший десятилетиями и подразумевающий одновременное понимание кавказцами общности судеб Кавказа и России, признание российской власти и законов, ощущение себя гражданином страны неисламского мира, и одновременное осознание себя потомками, воспринявшими великое наследие Шамиля и свободолюбивый дух предков, ощущение своей причастности к всемирному исламскому сообществу «умме», что ставит сегодня мусульман Кавказа в крайне щекотливое и затруднительное положение «двойного гражданства» [10].

В отсутствие четкой национальной политики перед властными структурами региона встает сложная проблема взаимоотношений с национальными и исламскими организациями. Ислам и национализм являются противоположными по сути идеологиями. Очень важно найти оптимальное равновесие между этнической, гражданской и религиозной составляющей идентичности северокавказских народов.

Литература

1. Шильтбергер И. Путешествие Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Выпуск III. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010.
2. Карпини П. История монголов // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик: Выпуск III. Изд. М. и В. Котляровых, 2010.
3. Барбаро И. Путешествие в Тану // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков. Выпуск III. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010.
4. Интериано Д. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
5. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа М., 2005.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
7. Адагы горских народов. Выпуск IV. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010.
8. Дарчиева С. В. Северокавказские депутаты Государственной Думы России (1906–1917 гг.) Владикавказ, 2006.
9. Исрапилов С. Никто из ниоткуда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://left.ru/2008/9/>.
10. Курбанов Р. Мусульмане Северного Кавказа в поисках утраченной идентичности: между джихадизмом и умеренностью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://libbabr.com>.
11. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
12. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб, 1880.
13. Политический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/politic/Calikov-Ahmed-Ahmet-Tembulatovich-5161/>.

УДК 94 (470.63)

Пархоменко Владимир Валерьевич

Г. А. ЕМАНУЭЛЬ У ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ КУРОРТНОГО РЕГИОНА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

В статье исследуется роль генерала Г. А. Емануэля в развитии курортной зоны Кавказских Минеральных Вод на начальном этапе своей истории. Анализируются перспективы региона, как курорта, в современной России. Изучается вклад Г. А. Емануэля в культурное обогащение региона.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, курорт, Северный Кавказ, культура, Емануэль, Бернардazzi.

Parkhomenko Vladimir V.

G. A. EMANUEL AT THE BEGINNINGS OF THE DEVELOPMENT OF THE RESORT REGION CAUCASIAN MINERAL WATERS

In this article examines the role of the general G.A. Emanuel in the development of the spa zone of the Caucasian Mineral Waters at the initial stage of its history. Analysis of the prospects of the region, as a resort, in modern Russia. Research the contribution of G.A. Emanuel in cultural enrichment in the region.

Key words: Caucasian Mineral Waters, the resort, the North Caucasus, culture, Emanuel, Bernardazzi.

Кавказские Минеральные Воды являются крайне важным регионом Российской Федерации. Правительство РФ уделяет проблемам территории КМВ значительное внимание. Так, согласно государственной программе «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»[1] на период до 2025 года, в регионе КМВ планируются к осуществлению инвестиционные проекты по реконструкции действующего санаторно-курортного комплекса, строительству современного туристско-рекреационного кластера и объектов индустрии развлечений. В стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа подчеркивается уникальность и разнообразие природно-климатических ресурсов территории Кавказских Минеральных Вод. «Кав-